

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап

11 класс

Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический или лирический.

Выполните целостный анализ отрывка из романа Андрея Валерьевича Геласимова «Степные боги». Роман посвящен событиям лета 1945 года – между победой над фашистской Германией и бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Место действия – Забайкалье. Мы встречаемся с жителями деревни Разгуляевка, солдатами, прибывшими с фронта и ждущими нового назначения, пленными разных национальностей, в основном японцами, захваченными в результате столкновений у Халхин–Гола и озера Хасан. Но главные герои – дети, голодные, остающиеся большую часть времени без присмотра, но переполняемые патриотическими чувствами и воображающие свое участие в великой войне (например, они ищут, не спрятались ли в окрестностях Разгуляевки убежавший от возмездия Гитлер).

Вы можете опираться на данные после отрывка вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

А.В. Геласимов

Степные боги

Утром весь всклокоченный от беспокойных и радостных снов Петька выскочил из-под своего лоскутного одеяла ни свет ни заря. Схватив со стола кусок хлеба, он пулей метнулся во двор, пожурчал там возле кустов крапивы и полетел к Валеркиному дому.

– Кавалерия – вперед! – подгонял он себя, проносясь мимо чужих заборов. – Даешь!

Над головой у него вместо шашки в напряженно – вытянутой правой руке покачивалась уже слегка покусанная краюха, которую он время от времени рывком подносил к жующему рту, а потом снова выбрасывал вверх, к небу, будто от этого зависело – добежит он вообще или нет.

– Ура! – закричал он, врываясь во двор к Валерке и пиная ленивых еще со сна коз. – Эскадрон, стой! Шашки в ножны!

Остаток хлеба мгновенно исчез у него во рту. На этом движение Петькиной конницы и вместе с тем его завтрак были закончены. Теперь можно было начинать жить.

– Молоко есть? – крикнул он высунувшемуся на крыльцо Валерке. – Мне коней поить надо. Эскадрон хочет пить.

– Валерка удивленно смотрел на Петьку и даже слегка приоткрыл рот, потому что тот никогда не приходил к нему по утрам первым. Жизнь между ними складывалась таким образом, что суетиться из них двоих должен был он, Валерка, а Петька лишь царственно позволял своему бледному другу присутствовать во всем том, что составляло его кипучие дни.

Валерка ценил это расположение и охотно пользовался им всякий раз, когда Ленка Козырь и другие разгуляевские пацаны со свистом и матерщиной, а иногда – метко брошенным камнем, прогоняли его из-за того, что он, скажем, не докинул до лунки «чижа», или перебздел и не прыгнул вместе со всеми с обрыва...

Поэтому Валерка теперь удивился. Он слишком хорошо знал, что никому в Разгуляевке не нужен. Разве что мамке, но с нее какой толк? Мамка – она и есть мамка. Ей положено Валерку дюбить. К тому же все равно в поле корячится целый день. Ее не дождешься.

Но Петьке сейчас позарез нужен был собеседник. Жить дальше, не поделившись тем, что буквально распирало его на части, у него уже просто не было никаких сил. Он и так терпел во сне целую ночь. Не мог же он броситься теперь со всем этим к бабке Дарье.

– Есть молоко? – повторил Петька и крутнулся на месте, стараясь попасть голой пяткой в кучку белесого куриного помета.

– Есть, – выдохнул Валерка, и его как ветром сдуло с крыльца.

Через пять минут они уже вдвоем неслись вприпрыжку по Разгуляевке в сторону бабки Дарьиного сеновала. Теперь у них у обоих над головой раскачивалось по куску хлеба, а над верхней губой красовалось по паре отменных молочных усов.

Это Валеркина мать, как могла, оценила Петькино появление...

Когда они забрались на сеновал, оба дышали, как паровозы, – весело, прерывисто и с надсадой. Сказывались Петькины самокрутки и никому не понятная Валеркина внутренняя болезнь.

– Вот так, понял? – отдышавшись проговорил Петька. – И банки огромные, как...

Он замолчал, не зная – как что, и, не найдя подходящего образа, округло погладил ладонями воздух, показав какой-то уж совсем невероятно большой мяч, выпучив насколько было возможно глаза и произнося что-то вроде «пуфф!»

– Да-а-а, – восхищенно протянул Валерка, и оба они на несколько мгновений замолчали, переживая каждый свое, но явно сопричастное друг другу.

Это торжественное молчание царило на сеновале до тех пор, пока Валерка первым не устал от него и не отвлекся на рисунки гвоздем, которыми Петька украсил стены своего штаба. Валерка хоть и был единственным Петькиным адъютантом, но сюда, на самый верх, допускался довольно редко.

– А вот это вот чо? – сказал он, показывая пальцем на портрет Таньки Захаровой. – Чо это, Петька? Глист какой-то. Чо у него на голове палки?

– Сам ты глист, – лениво откликнулся Петька. – Это военный летчик. С истребителя «Ла-5». А палки – это антенны. На шлеме крепятся. Ясно?

– Ясно. А чо они тогда вниз?

Палки на самом деле были Танькиными косичками, но в этом Петька не признался бы никому.

– А хочешь я тебе пачку папирос «Казбек» нарисую? – сказал он вместо ответа. – Настоящую. Как у товарища старшего лейтенанта Одинцова.

Валерка затаил дыхание, поняв, что сейчас ему доведется практически своими глазами увидеть чудо.

– Хочу.

Петька взял с пыльной балки огромный гвоздь и начал царапать им по бревну.

– Вот здесь, видал, – приговаривал он, – это горы. Ну то есть одна гора. Вот так.

Он отошел чуть назад, наклонил голову на левое плечо и прищурился.

– А как она называется?

– Чо?

– Как она называется? – повторил Валерка. – Эта гора.

В своем восхищении Петькой он был абсолютно уверен, что тот знает практически все. Во всяком случае – все, что касалось военных. А папиросы курили только военные люди. Это Валерка знал наверняка. И даже не просто военные, а офицеры.

– Она называется... – протянул Петька. – Она называется... Да мне-то откуда знать, как она называется! Чо прицепился? Я тебе рисую, а ты сидишь – и сиди. А то вылетишь у меня отсюда, как самолет «Фоккевульф» под названием «рама».

– Ладно, – пискнул Валерка. – Я больше не буду.

– То-то же.

Петька снова подошел вплотную к стене и начал выцарапывать всадника. Вернее, то, что, по его замыслу, должно было стать всадником.

– Собака? – осторожно предположил Валерка.

– Петька слегка засопел, но удержался и промолчал.

– Танк?

Петька продолжал терпеливо карябать гвоздем стену.

– Индус?

Петька швырнул гвоздь на сено, подскочил к Валерке и заорал:

– Ну почему индус?! С чего ты взял, что индус?

– У него на голове такая же штука, – пробормотал перепуганный Валерка. – Как у индуса... Я на картинке видел... В учебнике у Анны Николаевны.

Петька секунду смотрел в бледное Валеркино лицо, потом на его рубаху, на которую от испуга уже капнула из носа кровь, и гнев его сам собой испарился.

– Это папаха, – сказал он. – А индус твой – мужик на коне. Куда-то скачет.

– За папиросами? – засмеялся Валерка, обрадованный тем, что Петька на него больше не сердится.

– Может, за папиросами. Я не знаю. Ну, в общем, такая вот пачка.

– Такая большая? А сколько в нее входит?

– Нет, она не такая большая, – смутился Петька. Просто бревно круглое. У меня так получилось.

– А-а, – улыбнулся Валерка и швыркнул носом, одновременно стирая подолом рубахи кровь с верхней губы. – А я думал, она такая огромная. Как мамкина шкатулка, где она документы про папку хранит.

– Нет, – сказал Петька. – Она вот такая.

И показал руками.

– Понятно, – кивнул Валерка. – А может, Казбек?

– Чего? – не понял его Петька.

– Я говорю, может, гора так и называется – Казбек?

Петька уже давно знал, что Валерка был умнее его, и даже не только его, но и вообще всех, кто ходил с ними в разгуляевскую школу. Анна Николаевна, например, когда не плакала, глядя на него, всегда его хвалила. Для Валерки у нее было ровно два способа поведения. Плакать или хвалить.

– Поэтому теперь Петька несколько не удивился Валеркиному предположению и не стал с ним спорить. Казбек так Казбек. Ему вообще было все равно, как эта гора называется. Хотя сам он вначале подумал, что Казбеком зовут конного мужика.

– А хочешь, я тебе своего щенка дам подержать? – сказал он, охваченный внезапным желанием сделать Валерке что-нибудь хорошее.

– Хочу.

Глаза у Валерки блеснули и сделались круглые. Он оценил Петькин порыв. Жизнь редко была к нему великодушна.

Петька соскочил с сеновала, выхватил волчонка из тайника и быстро вскарабкался с ним до середины лестницы.

– Только не урони, – сказал он, передавая Валерке лохматый теплый комок. – Видишь, он еще спит.

– Я осторожно, – прошептал Валерка. – А как ты его назвал?

– Никак.

– Может, Испуг?

– Испуг? – удивился Петька, все еще стоя на лестнице. Над досками сеновала возвышались только его плечи и голова. – А что Испуг-то? Он у меня ничего не боится.

– Нет, ИСПУГ – это значит «Иосиф Сталин победил Ублюдков Германцев».

Петька на секунду застыл, переваривая услышанное, и потом со значением кивнул.

– Нормально. Только лучше «немцев», а не «германцев». Ужаса Петьки прямо вниз Германцы были до Гражданской. А еще лучше – «фашистов»,

– Но тогда выйдет «Испун». Или «Испуф». Странно как-то. Как будто бабка без зубов говорит.

– Да, – задумчиво покачал головой Петька. – Как-то не очень.

– А «Испуг» значит, что его все будут бояться.

С таким аргументом Петька спорить уже не мог.

– Ладно, давай мне его сюда. Ему дальше спать надо.

Валерка слегка привстал на сене и вытянул руки, чтобы передать Петьке волчонок, но не успел, потому что затекшие ноги подвели его, и он неожиданно опустился обратно, уже разжав руки и выпустив из них теплый пушистый комок, который, едва обретя имя, скользнул на самый край навеса, чихнул от пыли и от запаха сена, а потом вздрогнул и полетел мимо застывшего от ужаса Петьки прямо вниз – туда, где, как вилы, вздымались к сеновалу мстительные рога бабки Дарьиных коз.

Валерка съежился и прошептал: «Я нечаянно...», Петька безжизненными губами успел автоматически ответить: «За нечаянно бьют отчаянно, и они оба, как будто в тяжелом сне, как зачарованные, продолжали следить за бесконечным, будто в тяжелом сне, падением их ставшего уже общим единственного достояния.

Волчонок пролетел мимо рогов и мягко шлепнулся на козью спину. Оттуда он соскользнул на пол, потряс головой, почесал ногой ухо и осоловело уставился от бросившихся от него в дальний угол перепуганных неожиданным прилетом коз.

– Вот видишь, – постепенно приходя в себя, прошептал Валерка. – Я же тебе говорю, «Испуг» – самое то для него имя.

* * *

После обеда Валерка слинял.

Утром, выбравшись из бабки Дарьиного сарая, они вдвоем с Петькой немного поискали Гитлера у реки, потом побросали друг в друга сверкающими на солнце осколками каменной соли, потом некоторое время лизали ее, притаившись в зарослях грязной полыни у дороги на станцию, а потом на горизонте мелькнули другие пацаны, и Валерка, ничуть не раздумывая, вскочил на ноги и побежал к ним. Петька, который не видел в Валеркином поступке ничего странного или неожиданного, тоже выбрался из полыни и постоял немного в раздумье на одной ноге, почесывая ее заскорузлой пяткой.

Остаток дня ему предстояло провести в одиночку. Если только Козыро не прогонит Валерку.

Этого Петька и ждал, стоя на одной ноге, но в его ожидании вовсе не было никакого преждевременного злорадства или надежды на то, что неверному и легкомысленному Валерке сейчас там быстро нададут по шее, и он вернется с повинной к своему подлинному другу и повелителю – нет, он просто ждал, чем решится вопрос, а когда Валерка махнул издали рукой и побежал с остальными пацанами к оврагу за Разгуляевкой, Петька опустил вторую ногу на дорожную колею, обеими ступнями ощутил под собой крепкую шершавую землю, повернулся и пошел по своим, теперь уже личным делам.

Ему надо было на станцию. Вчера он пропустил эшелоны.

Причина у него, конечно, была уважительная, но даже старший лейтенант Одинцов со своими рассказами о минометном обстреле по Кенигсбергом или ефрейтор Соколов с широким финским ножом и тушенкой не в силах были заменить ему того чувства, которое он испытывал теперь каждый вечер, жадно заглядывая в распахнутые двери пролетающих со свистом и с песнями мимо разгуляевской станции поездов. Там, в этих вагонах, в полутьме ускользавших от скачущего Петькиного взгляда теплушек, ехали те, кто жил не воспоминаниями, как лейтенант Одинцов, и не хитрой усмешкой сквозь густые усы, как ефрейтор Соколов, а настоящей войной. Они жили настоящей войной и победой.

Петька быстро шел по дороге к станции, размахивая руками и бесконечно повторяя вслух: «Поезда, поезда, поезда», – пока у него не начинало получаться что-то совсем другое, не имеющее уже никакого отношения к поездам, и это слово сместило его, отвлекло даже от мыслей о том, что будет, когда все эшелоны придут, и что начнется, и что лично он, Петька, будет делать тогда.

Получившееся у него слово казалось ему столь смешным и замечательным, что он останавливался, громко выкрикивал его, задрал голову в накрывавшее тяжелым синим куполом всю степь небо, потом пронзительно свистел через два пальца и бросался бежать, поднимая пыль и выкрикивая что –то уже совсем непонятное. Через минуту от него оставалась лишь

темная точка на горизонте, которая подпрыгивала и болталась из стороны в сторону, как пьяная от веселья, разбуженная солнечным теплом муха.

Андрей Валерьевич Геласимов – российский писатель. Роман «Степные боги» в 2008 году был удостоен премии «Национальный бестселлер».

Вопросы

1. Автор глубоко исследует детскую психологию. Какие психологические детали привлекли Ваше внимание?
2. Как автор рисует эпоху?
3. Можно ли утверждать, что поведение и эмоциональное состояние героев обусловлено средой, обстоятельствами их жизни и историческими событиями, происходящими в стране? Обоснуйте свой ответ.
4. Какова роль диалогов в раскрытии характеров героев?
5. Как бы Вы охарактеризовали отношения детей со старшим поколением? Можно ли говорить об их исторической обусловленности?
6. С какой целью автор сталкивает такие разные характеры? Нарисуйте психологические портреты мальчиков.

Выполните целостный анализ стихотворения. А. Городницкого. Анализируя стихотворение, попытайтесь ответить, среди прочих, на представленные ниже вопросы.

Александр Городницкий

Атланты

Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,
Где без питья и хлеба,
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.

Держать его махину
Не мед со стороны.
Напряжены их спины,
Колени сведены.
Их тяжкая работа
Важней иных работ:
Из них ослабни кто-то –
И небо упадет.

Во тьме заплачут вдовы,
Повыгорят поля,
И встанет гриб лиловый,
И кончится Земля.
А небо год от года
Всё давит тяжелей,
Дрожит оно от гуда

ракетных кораблей.

Стоят они – ребята,
Точеные тела,
Поставлены когда-то,
А смена не пришла.
Их свет дневной не радует,
Им ночью не до сна.
Их красоту снарядами
уродует война.

Стоят они навеки,
Уперши лбы в беду,
Не боги – человеки,
Привыкшие к труду.
И жить еще надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках.

1963

Вопросы

1. Какую роль в стихотворении играют мифологические и скульптурные образы атлантов?
2. Что к традиционным представлениям об атлантах добавляет детальное описание фигур, стоящих у входа в Государственный Эрмитаж?
3. Осмыслите функцию в произведении двух – трех наиболее выразительных деталей.
4. Как автор трансформирует образы атлантов в связи с нашим временем?
5. Как бы Вы объяснили последние строки произведения? На что могут надеяться наши современники?
6. Какое чувство пронизывает весь текст?

Творческое задание

Готовясь к уроку литературы, Вы прочли пьесу А.П. Чехова «Вишневый сад». Как известно, в драматическом произведении почти нет слов автора, поэтому трудно бывает понять его позицию, отношение к событиям и героям. Вы и Ваши одноклассники в растерянности. Решили в чате обсудить свое восприятие образов главных героев – Раневской и Лопахина. Воспроизведите посты трех-четырех учащихся, представляющих разные точки зрения. Каждый участник чата должен обосновать характеристику, даваемую персонажам, и оспорить точку зрения оппонента. В рассуждениях следует опираться на текст произведения. В результате должен получиться интересный спор.

Работа должна содержать не менее 200 слов.